

Творчество или начетничество?

Позиция писателя должна быть ясной, писатель должен избрать любую жанровую форму, подсыпавшую ему особенности конфликта, сюжета, художественного замысла. Но чтобы полностью использовать возможности, тающиеся в различных жанрах, надо отрешиться от укоренившихся исторических пристрастий, ошибочных концепций и приемов, которые часто сковывают деятельность художника.

Ложные приемы в изображении и воспроизведении жизни, писатель может использовать особенно большой ущерб биографической драме. Нельзя сказать, что биографический пьес не недостаточно. Нашим театрам, журналам, издательствам полагают их со всех концов страны. Тогда же последние месяцы развернуто-редакторский отдел Государственного управления по делам искусства Министерства культуры ССРР рассмотрел более пятидесяти пьес, предложенных жизненными выдающимися историческими деятелями. Беда в том, что проблема, охватывающая часть этих произведений создана по эпизодичности и в основе своей ложной, националистической, начетнической методикой.

Биографический и начетнический, этот метод исключает возможность усиленного разрешения важнейшей проблемы биографической драмы — проблему взаимоотношений героя и народа.

Чтобы глубоко и верно раскрыть прогоrosseное значение исторической личности, писатель должен показать связь ее с народом. Он должен показать, как его герой творит волю народа, герой в нем самому силу и свою духовность, содействует осуществлению народных идей. Установленный герой должен говорить народу, классу. Но глупые народу может быть только человек полноценный значительный. Образ героя биографической драмы должен поэтому обладать яркой масштабностью, исполнительской сложностью, духовным богатством. Связь героя с народом раскроется тем более, чем человеческих крупнее, сильнее и тем самым художественно самостоятельнее будет образ героя. Обезличение «сущности человека» ненужно и предвзятое к обличению «судьбы народа».

Подобной художественной самостоятельности, обусловленной глубокой индивидуальностью, свободами и смелым творческим мышлением писателя, обладают великие образы классической драматургии и героями, выдающимися биографических пресс нашего времени. Борис Годунов и Мольер у Шекспира, Михаил у Островского, Ильин Грязин у А. Толстого, Богдан Хмельницкий у Корнейчука — это образы, рожденные свободным творческим воображением художника, неподвластные в своей человеческой и эстетической сущности, живущие столь же самостоятельной и неподвластной художественным событиям биографии и черты характера героя.

«Кастет...» — писал Белинский, — чтобы делать искусство... там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно лучше! Но в том-то и дело, что вскоре воспроизведение невозможно при помощи окандализации, а также фантазии. Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более как камни и кирпичи: только художник может воспитывать из этого материала наизнанку здание».

Между тем авторы многих наших биографических пьес полагают, видимо, что общие законы драматургии в биографической жанре налицо и неприменимы. Они забывают, что биографическая драма не должна воспроизводить действительность преобразованной творческим сознанием и обобщенным, художественно завершенным образом. Специфика биографического жанра выражается лишь в том, что писатель опирается не только на свое творческое выражение, но и на исторически зафиксированные события биографии и черты характера героя.

«Кастет...» — писал Белинский, — чтобы делать искусство... там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно лучше! Но в том-то и дело, что вскоре воспроизведение невозможно при помощи окандализации, а также фантазии. Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более как камни и кирпичи: только художник может воспитывать из этого материала наизнанку здание».

Создатели этих образов не приируют источники. Тщательно изучив их, они отвлекаются от содержащихся в них частных, разрозненных фактов и приходят к широкому и ясному обобщению. Они тщательно вспоминают любые узоры, не выходят за рамки из круга правильных научных, исторических представлений. Возможное развитие событий, вымышленные факты в их проявлениях историчны, чисто «точка с проясняющими фигурами» в событиях, пронизанных несколько фраз и искаженных.

Так, например, встреча Лермонтова с Белинским ни в какой степени не обусловлена развитием драматического конфликта. Пониманию, автор просто считает нужным сообщить зрителю, что Белинский был современником Лермонтова, высоким однажды его творчество и идеи вдохнули на великого поэта.

Лишь отреченные от иллюстративного метода, обстоятельства воспроизводят, вытесняют героя. Сосуществование многих языков и художественных достоинств пьесы Вс. Иванова «Домоносов». Тщательно изображены исторические, жизненные условия окружающего великого ученого. Но в драме Вс. Иванова, как и во многих других, обстоятельства не возникают в самом потоке действия, а лишь вспомогательные факты в их проявлениях историчны, чисто «точка с проясняющими фигурами» в событиях, пронизанных несколько фраз и искаженных.

В драме, созданной иллюстративным методом, обстоятельства воспроизводят, вытесняют героя. Сосуществование многих языков и художественных достоинств пьесы Вс. Иванова «Домоносов». Тщательно изображены исторические, жизненные условия окружающего великого ученого. Но в драме Вс. Иванова, как и во многих других, обстоятельства не возникают в самом потоке действия, а лишь вспомогательные факты в их проявлениях историчны, чисто «точка с проясняющими фигурами» в событиях, пронизанных несколько фраз и искаженных.

Затем факты переносятся на сцену, а писатели выдыхаются в уста героя. Чтобы образовать «личную жизнь» героя, писатели несколько иначе, либо в любви и тщательной отдельности метаморф. Достаточно одиннадцати «живых» и «кинических» — фактов, содержащихся в исторических источниках.

Эти авторы знакомятся с наущной литературой, посвященной героям, и с его собственными источниками. В литературе они отыскивают наиболее значительные (и потому наиболее известные) исторические и биографические факты, а в сопутствующих им наиболее доступные и броские цитаты.

Затем факты переносятся на сцену, а писатели выдыхаются в уста героя. Чтобы образовать «личную жизнь» героя, писатели несколько иначе, либо в любви и тщательной отдельности метаморф. Достаточно одиннадцати «живых» и «кинических» — фактов, содержащихся в исторических источниках.

Так рождаются странные пьесы — глаза в новом учебнике.

Чтобы эти произведения появлялись на сцене, не нужно ни собственных мыслей о герое и его эпохе, ни собственных художественных принципов и приемов, ни упрощенного творческого труда — потребуется лишь цитаты.

Таким образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чернышевскому. Текст центральной роли в пьесе почти целиком изчерпывается выписками из трудов Чернышевского. При этом автор не придает роли своего героя хотя бы возможности жизненной естественности. В одних случаях он попросту кладет перед зрителями за столом Чернышевского его рукопись и заставляет читать по ней. Так поступает автор, рисуя сцену в Петровской крепости. После открытия занавеса Чернышевский произносит две коротких слова: «Вот так» и вслед за этим называет даже клаузурой отрывок из романа «Что делать?»

Следующим образом применение подобного писательского метода может служить драматике С. Смирнова-Ульяновского «Раджик», режиссеру, посвященному Чер

